

О МОНЕТЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ТИПА С ИМЕНЕМ МИХАИЛ

Впервые публикуется найденная на Тамани медная монета с изображением архангела Михаила на лицевой стороне и греческой надписью с именем Михаил на обороте. Высказывается предположение о тмутараканском происхождении монеты и принадлежности ее чекану князя Олега-Михаила. Обсуждение в статье давно известного, так называемого тмутараканского сребреника князя Олега-Михаила завершается вопросом: Олег-Михаил или Ростислав-Михаил? Кому из них следует относить рассматриваемый сребреник?

Ключевые слова: история Византии, история Древней Руси, Тмутараканское княжество, нумизматика.

The present article contains a publication of a copper coin with a bust of St. Michael Archangel on the obverse and a Greek inscription with the name Michael on the reverse, that was found on the Taman peninsula. It is presumably of Tmutarakan origin and can be referred to the coinage of the prince Oleg-Michael. Further, the article represents the discussion about Tmutarakan silver coin with the name Michael, known for a long time, whether it can be attributed to Oleg-Michael or to Rostislav-Michael.

Keywords: Byzantine history, Old Russian history, the Princedom of Tmutarakan, Numismatics.

В одном частном собрании хранится монета, найденная, по словам владельца, на Таманском полуострове недалеко от озера Соленое. Приводим ее описание.

По виду монета медная. Отчеканена на прямоугольной заготовке с обрезанными углами, т.е. представляет неправильный восьмиугольник размерами 18 × 18 мм и толщиной 1,3 мм. В ее верхней части небольшое отверстие давнего происхождения. Соотношение осей аверса и реверса прямое (↑↑). Вес монеты 1,59 г.

Лицевая сторона (рис. 1, а, увеличено). Внешний ободок линейный. В поле поясное изображение святого прямо. В правой руке держит жезл, в левой – сферу, по краям одежды – бусы, слева и справа от головы святого – горизонтальный ряд букв. Нечеткость линий левого края монеты в результате двойного удара не позволяет однозначно определить первые буквы этого ряда. Возможно, начальная литера – “М”. Справа от головы различаются “Х” и “А” (или “Λ”) (ΜΙ-ΧΑ?). Уверенно решить вопрос о святом, фигура которого помещена на лицевой стороне, при слабой сохранности монеты представляется затруднительным, но предположить, что это архангел Михаил, наверное, допустимо.

Оборотная сторона (рис. 1, б, увеличено). Внешний ободок линейный. В поле монеты пять строк надписи, выполненной греческими буквами.

(...) € R (...) / Τω * Сω/ΔΨΛω/ΜΙΧΑ/(ΗΛ)

Литеры средней величины размещены с заметным межбуквенным интервалом. Примерно в центре реверса, в середине второй строки знак шестилучевой звезды, который можно рассматривать, как одну из разновидностей монограммы “Хи-Ро”, нередко помещаемой на византийских монетах¹. При слабой сохранности монеты большая часть букв надписи все же различима. В первой строке не видно начала и конца ее. Второй знак третьей строки представляет из себя лигатуру дифтонга “ou” (условно передана в прорисовке надписи символом Ψ). Пятая строка неотчетлива, но в ней угадываются две буквы: “Н” (горизонтальная перекладина удлиненная) и “Λ”, которые вместе с четвертой строкой составляют имя Михаил (ΜΙΧΑΗΛ). Нет сомнений, что в целом текст реверса повторяет известную по византийским моливдовулам формулу обращения к Господу за помощью: “Κ(ύρι)ε βο(ήθει) τῷ σῶ δουλῷ Μιχαήλ” – “Господи, помоги твоему рабу Михаилу”.

Византийские вислые печати с идентичной благожелательной формулой и фигурой святого на аверсе, рассматриваемые как возможный прототип публикуемой монеты, принято датировать X–XI вв.² Палеографические особенности надписи на монете (буквы квадратные, укрупненные, разделены интервалами; начертание литеры омега в виде полукружия, разделенного вертикальной чертой) позволяют уточнить временной диапазон в пределах XI в.³ К середине 60-х годов XI в. вес византийских медных монет снизился до 5 г.⁴ Дальнейшее его уменьшение последовало в результате монетной реформы Алексея I Комнина (1091). Это обстоятельство и вес рассматриваемой монеты (1,59 г) определяют нижнюю границу ее предположительной датировки – последняя треть XI в.

Попытки установить принадлежность монеты, просматривая византийский раздел каталогов некоторых музейных и университетских собраний, а также многочисленные аукционные каталоги, результатов не принесли. В обобщающих работах по византийской нумизматике (P. Grierson, M.F. Hendy)

Рис. 1. Монета с именем “Михаил”:
а) лицевая сторона, б) оборотная сторона

Рис. 2. Таманское подражание милиарисиум
Василия II и Константина VIII:
а) лицевая сторона. б) оборотная сторона

¹ Grierson P. Byzantine Coins. L., 1982. P. 36.

² Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983. С. 82, 83.

³ Там же. С. 86.

⁴ Hendy M.F. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 4. Pt. 1. Washington, 1999. P. 39.

публикуемый монетный тип не упоминается. Напрашивается вывод, что поиски следует продолжить вне границ центрального имперского чекана, в монетном деле государственных образований, составляющих византийскую ойкумену, политически и культурно связанную с империей.

Близкие по типу медные монеты с invocative формулой на реверсе и фигурой святого на лицевой стороне обнаруживаем в раннем чекане Антиохийского княжества и графства Эдесского, основанных крестоносцами первого похода в конце XI в. на землях, ранее принадлежавших Византийской империи⁵. Новая власть отчасти сохранила давно сложившиеся на этих территориях традиции ведения государственных дел, что проявилось в выпуске монет по образцу свинцовых вислых печатей, широко распространенных в византийском обществе. Публикуемая монета, по-видимому, не имеет отношения к чекану крестоносцев. Среди норманнских имен их правителей имя Михаил не встречается.

Византийская традиция использования свинцовых вислых печатей закрепилась и на Руси. Известны моливдовулы, принадлежащие русским князьям, на которых в точности повторяется приведенная выше формула обращения к Господу за помощью. Этот факт и место находки описанной монеты позволяют рассмотреть предположение о ее принадлежности к чекану княжеской Тмутаракани. Эту версию поддерживают вес монеты (попадает в диапазон разброса весов таманских подражаний милиарисиям Василия II и Константина VIII, основы тмутараканского монетного обращения) и ее форма (среди таманских подражаний нередко встречаются октогональные экземпляры) (рис. 2).

Прежде чем продолжить изучение монеты, необходимо обратиться к вопросу о тмутараканском правителе по имени Михаил. Этим христианским именем был наречен князь Олег Святославич (1083–1094), что надежно известно из двух независимых источников: “Хождение игумена Даниила” и “Любечский синодик”⁶. В “Российской истории” В.Н. Татищева, и только в ней, сообщается, что крестильное имя Михаил было и у другого тмутараканского правителя, князя Ростислава Владимировича (1064, 1065–1067)⁷. “Того же лета Владимиру Ярославичу родился сын Ростислав, а при крещении назван Михаил”⁸. Отношение к труду В.Н. Татищева у историков неоднозначное. Многие сведения, включенные в это сочинение, встречаются только в нем и приведены без указания источников. Сообщение о крестильном имени князя Ростислава – из этого ряда непроверенных сведений. Недоверие к свидетельству В.Н. Татищева усугублялось еще и тем, что цитированная выше строка была дописана автором на полях ко второй редакции второго тома “Российской истории”. Исследователь родословной Рюриковичей Н.А. Баум-

⁵ Coins of the Crusader States 1098–1291 // Ed. A.G. Malloy, I.F. Preston, A.J. Seltman. N.Y., 1994. P. 181, 184, 237, 238.

⁶ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики // Труды по филологии и истории. М., 2006. С. 590.

⁷ Там же. С. 599.

⁸ См.: История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. Кн. 2. М., 1773. С. 107.

гартен, видимо, был первым, кто в одной из своих работ начала XX в., поддерживая В.Н. Татищева, в том числе и в вопросе о христианском имени Ростислава Владимировича, писал: “В настоящее время добросовестность Татищева как писателя настолько установлена, что нельзя заподозрить его в фальсификации известий, сохранных для истории только благодаря ему”⁹. Из современных ученых-медиевистов профессор А.В. Гадло не только принимает свидетельство автора “Российской истории”, но и относит к Ростиславу (Михаилу?) свинцовую печать с надписью: “Господи, помоги Михаилу архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии”, которую общепринято считать принадлежащей Олегу Святославичу¹⁰. Следует еще добавить, что совсем недавно было опубликовано исследование по ономастике Рюриковичей, в котором содержится ряд замечаний в поддержку приведенных В.Н. Татищевым сведений¹¹. Таким образом, версия о том, что христианское имя Михаил могло принадлежать и Ростиславу Владимировичу, представляется вполне допустимой. Игнорировать ее было бы неправомерно и пошло бы во вред достоверности исследования.

Отношения с Византийской империей у Ростислава (Михаила?) Владимировича и Олега (Михаила) Святославича складывались по-разному. Князь Ростислав – “муж добр” и “ратен”, покорил касогов и ясов, заставил их платить дань. Его воинственность и амбиции создавали предпосылки к усилению тмутараканского влияния на Северном Кавказе. Византия, обеспокоенная возрастающей угрозой потери своих позиций в этом регионе, вынуждена была пойти на физическое устранение князя-соперника.

Олег Святославич провел четыре года в византийском изгнании. Был в браке с представительницей знатной греческой фамилии и вместе с женой отпущен на родину. При поддержке Византии и, видимо, с ее военной помощью добился княжения в Тмутаракани. Некоторыми исследователями начало правления князя Олега трактуется как ступень к переходу Тмутараканского княжества под протекторат империи¹².

Возвратимся к сделанному ранее предположению о принадлежности рассматриваемой медной монеты к чекану княжеской Тмутаракани. Составленный выше набросок к сравнительному портрету двух тмутараканских правителей в контексте их политики по отношению к империи подсказывает, что имя Михаил на монете, имеющей явный византийский облик, изготовленной, возможно, при участии греческого мастера, может относиться к Олегу (Михаилу) Святославичу. Подкрепляет это предположение

⁹ *Баумгартен Н.А.* Первая ветвь князей Галицких // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* М., 1908. Вып. 4 (16). С. 3–5, 7.

¹⁰ *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 269.

¹¹ *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Младшие сыновья и старшие внуки Ярослава Мудрого (из истории именованья у Рюриковичей) // *Ярослав Мудрый и его эпоха* / Ред. И.Н. Данилевский, Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 19–20.

¹² *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 87; *Каждан А.П.* Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Босфора в конце XII в. // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.* М., 1963. С. 93–101; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси... С. 286.

известная свинцовая печать его предшественника в Тмутаракани, родного брата Романа Святославича. На ее лицевой стороне поясное изображение патрона князя – святого Романа Сладкопевца, на обороте – греческая легенда: “Господи, помоги рабу твоему Роману”, в точности повторяющая формулу обращения на рассматриваемой монете¹³. Вполне вероятно, идентичная печать могла быть и у Олега Святославича (исследователям неизвестна). По-видимому, с ней либо с упомянутой печатью князя Романа можно связывать непосредственный прототип медной монеты с именем Михаила¹⁴.

В разделе именованного чекана княжеской Тмутаракани, куда с некоторой долей вероятности отнесена изучаемая монета, уже содержится несколько экземпляров однотипных серебряных монет с поясным изображением архангела Михаила на лицевой стороне и древнерусской надписью “Господи помози Михаилу” на обороте. Публикация о первой находке монеты этого типа появилась в 1873 г., где она была атрибутирована как принадлежащая князю Олегу (Михаилу) Святославичу¹⁵. Представляется полезным рассмотреть подробнее те аргументы, из которых исходил при атрибуции монеты ее первый публикатор Е.Е. Люценко.

1. Палеографические особенности славянской надписи.

Граф А.С. Уваров в своем ответном письме к Е.Е. Люценко поддерживал его мнение, что по палеографическим признакам надпись на монете может быть отнесена к XI–XII вв. (А.С. Уваров сравнивал монету “с записью князя Глеба 1068 г., Изборником Святослава 1073 г., Антиминсом 1149 г. и пр.”).

2. Имя Михаил на монете. “...А как в этот период времени в Южной России княжили только два Михаила: один – Святополк в Киеве, а другой – Олег в Тмутаракани...”, Е.Е. Люценко не без оснований из этих двух выбрал Олега-Михаила (по месту находки монеты).

3. Третий довод связан с местом находки монеты («Тамань – древняя Тмутаракань»).

Иных аргументов для вывода о том, что монета принадлежит князю Олегу-Михаилу у первого публикатора не было. В завершении своей статьи Е.Е. Люценко написал: “Однако окончательные суждения об этой находке

¹³ Молчанов А.А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. 1982. № 1. С. 253.

¹⁴ Предложенная атрибуция публикуемой монеты в той или иной степени гипотетична, что позволяет рассматривать и другие предположения. Так, например, имя Михаил на монете может быть связано с именем владельца свинцовой печати, обнаруженной на городище Матарха (Тмутаракань). На лицевой стороне ее – архангел Михаил в рост, на обороте – пятистрочная греческая надпись: “Господи, помоги своему рабу Михаилу Матарху”. Исследователи не пришли к единому мнению о принадлежности этой печати, датированной XI–XII вв. В числе вероятных заказчиков моливдовула называется князь Олег-Михаил, но есть и другое мнение, связывающее эту печать с “изменением административного устройства в Матархе, где с конца XI в. устанавливается византийское господство” (Смычков К.Д. О нескольких случайных находках моливдовулов IX–XII вв. в Матархе // Тезисы XI Всероссийской нумизматической конференции. СПб., 2003. С. 59–60).

¹⁵ См.: Заметки из Керчи // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1873. С. 290.

пока преждевременны; подождем, что скажут о ней другие знатоки русских древностей”.

Не останавливаясь на деталях развернувшейся среди исследователей дискуссии о принадлежности найденной монеты (ход полемики рассмотрен в статье А. А. Молчанова¹⁶), отметим, что понадобились долгие годы сомнений, находки других экземпляров монет, прежде чем мнение первого публикатора было поддержано нумизматическим сообществом и стало общепринятым. При этом следует заметить, что в ходе обсуждений дополнительных аргументов названо не было и число их осталось прежним. Совершенно ясно, что рассмотренная трехкомпонентная система доводов позволяет сделать однозначный вывод о принадлежности монеты лишь в том, единственном, случае, когда кроме Олега-Михаила других претендентов, т.е. близких по времени тмутараканских правителей с именем Михаил, не существует. Очевидно, из такой предпосылки исходили все исследователи, в разное время обращавшиеся к этой теме, так как никто из них ни одним словом о Ростиславе (Михаиле?) не обмолвился. Объяснения этому факту не находится.

Подчеркивая то обстоятельство, что неподтвержденная версия о христианском имени князя Ростислава Владимировича с достоверностью не опровергнута, можно утверждать, что нынешнее положение дел с атрибуцией серебряной монеты с именем Михаил таково, что все известные аргументы, на основании которых сделан вывод о принадлежности ее князю Олегу (Михаилу), в полном составе применимы и к выводу о принадлежности ее князю Ростиславу (Михаилу?). Другими словами, монета, известная нумизматам более 100 лет, строго говоря, остается неопределенной. Принимая сказанное во внимание, необходимо рассматривать дополнительные доводы для уточнения принадлежности серебряной монеты с именем Михаил.

Известно, что монеты, о которых идет речь, чеканились из сравнительно качественного серебра¹⁷. В связи с этим фактом правомерен вопрос, насколько качественным было серебро в тмутараканских монетах, выпущенных в период правления князя Олега-Михаила. Попытаемся на него ответить.

Не вызывает сомнения факт, подкрепленный многочисленными находками на Тамани, что основой монетного обращения Тмутараканского княжества являлись подражания византийским милиарисиям Василия II и Константина VIII. Присутствие этих монет в составе точно датированных кладов XI – начала XII в. определяет время их чеканки и обращения¹⁸. Постепенное искажение первоначального типа подражаний сопровождалось ухудшением качества монетного металла: серебро, биллон, медь.

Именные монеты Тмутараканского княжества, напротив, крайне малочисленны, и это свидетельствует, что выпуск их был обусловлен не экономическими, а главным образом, политическими соображениями, был приурочен к тем или иным событиям, происходившим в общине, и решал задачу пропаганды власти. Так, например, можно предположить, что медные монеты с именем Михаил предназначались для церемониальной раздачи ратникам,

¹⁶ Молчанов А.А. Тмутараканский чекан... С. 251–254.

¹⁷ Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009. С. 36.

¹⁸ Кротошкин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. (Свод археологических источников, Е 4–4). С. 16.

прибывшим вместе с князем, на торжествах после успешного завершения похода и вокняжения в Тмутаракани Олега Святославича. Их явный византийский облик, монограмма “Хи-Ро” (раннехристианский символ победы и триумфа), греческая надпись соответствовали цели выпуска. Видимо, какая-то часть необычных монет осела в кошельках отпущенных домой воинов и оказалась рассеянной на просторах Греции и Малой Азии. Этим, наверное, можно объяснить их редкость, невстречаемость в таманских находках.

Есть основания полагать, что практика церемониальных выпусков в Тмутараканском княжестве была заимствована из Византии. В империи раздачи отличительно оформленных монет широко использовались при проведении разного рода торжественных мероприятий. Тираж их был мал. Металл, вес и размер соответствовали нормативам стандартного выпуска¹⁹. Надо думать, что также обстояло дело и в Тмутаракани. Местные именные монеты были “плоть от плоти” основного подражательного чекана, повторяя его металл и метрологию, имея равные права в обращении. Доступные весовые данные немногочисленных церемониальных монет²⁰ отчасти подтверждают это положение, разброс значений их весов попадает в интервал разброса весов таманских подражаний²¹.

Если обратиться к раннему монетному чекану Древней Руси, который рассматривается исследователями как “возникший в основном для репрезентативного использования – в качестве пожалований и раздач во время торжественных церемоний”²², то можно отметить и в нем, при оригинальности монетного типа, выраженное стремление к соответствию с нормами монет, составляющих основу древнерусского денежного обращения X–XI вв. — византийской номисме и кувическому дирхему²³. Как и великокняжеский, тмутараканский именной чекан, призванный выполнять определенную по-

¹⁹ *Смелова Н.С.* Серебряные церемониальные монеты Византии V–VIII вв. // Тезисы VII Всероссийской нумизматической конференции. М., 1999. С. 35.

²⁰ *Бабаев К.В.* Монеты... С. 24, 31.

²¹ *Голенко К.В.* Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // ВВ. 1961. Т. 20. С. 219–220.

²² *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983. С. 110.

²³ Замечание о нормативном соответствии великокняжеских церемониальных монет и “стандартных” монет, составляющих основу денежного обращения на Руси, требует некоторых пояснений. Древнерусские “златники” действительно повторяли метрологию и пробу металла известной на Руси византийской золотой монеты и приравнивались к ней по стоимости (Там же. С. 62). В то же время, именные “сребреники”, ориентированные по среднему весу на кувический дирхем, в основной массе являлись не серебряными (Там же. С. 64, 108), т.е. по стоимости, объективно, не могли приравниваться к полноценному дирхему. Справедливо отмечалось, что на качестве металла “сребреников” сказалось отсутствие местных ресурсов и резкое сокращение поступления серебра в условиях так называемого “серебряного кризиса” конца X–XI в. (Там же. С. 67). При таком положении дел стремление власти сделать церемониальные монеты в стоимостном отношении совместимыми со “стандартными” платежными средствами выразилось в том, что “престольным указом” неполноценные “сребреники” приравнивались к серебряному дирхему, приобретая при этом принудительную стоимость. Именно в этом смысле, видимо, следует рассматривать то изменение в формуле легенды ранних “сребреников” первого типа, при котором вместо надписи “Владимир на столе”, характерной для самой первой монетной эмиссии (получившей, вероятно, неблагоприятный опыт соприкосновения с курсовыми реалиями рынка), на монетах появляется новая легенда “Владимир а се его сребро”, подчеркивающая и даже “настаивающая”, что великокняжеские “сребреники” являются равноценными кувическому дирхему.

литическую миссию, мог быть эффективен и полезен для власти в решении ее задач лишь в том случае, если бы выпущенные монеты свободно участвовали в обращении, глубоко проникая во все слои общества, распространяя заложенную в них идею. Для достижения этого требовалось, чтобы церемониальные монеты в стоимостном отношении были бы адаптированы к платежным средствам, повседневно используемым местным населением²⁴.

Предположение об однородности тмутараканского чекана, рассматриваемой в том смысле, что именные монеты и синхронные с ними выпуски стандартного чекана (подражания) не отличались ни металлом, ни метрологией (следовательно, и стоимостью), позволяет приближенно датировать ступени деградации монетного металла таманских подражаний.

На рубеже 70–80-х годов XI в. для чеканки таманских подражаний византийским милиарисиям использовался низкопробный биллон: в этом металле известны именные монеты великокняжеского наместника в Тмутаракани боярина Ратибора (1079–1081). Из серебряного сплава выполнен тип тмутараканских подражательных монет “с изображением стоящей фигуры”²⁵. С.И. Безуглов убедительно датирует начало их выпуска в интервале между 1060 и 1067 гг.²⁶ Складывается следующая картина: ко времени правления Ростислава Владимировича тмутараканский подражательный чекан сохранял серебряную основу, но содержание драгоценного металла в монетах по сравнению с более ранним периодом снизилось. В 70-е годы XI в. проба

²⁴ Наблюдаемая нормативная тождественность специальных, политически мотивированных выпусков и “стандартных” средств монетного обращения подтверждается и другими фактами. Крайне редкие серебряные монеты грузинского Багратида, владетеля Тао-Кларджети Давида Куропалата (966–1000), признававшего сюзеренитет Византии, были выпущены, “по-видимому, в ознаменование получения им византийского сана в 990 году и имели, как кажется, лишь репрезентативную функцию” (*Степаненко В.П.* Из истории армяно-византийских отношений второй половины X–XI в. (к атрибуции монет Кюрикэ куроалата) // АДСВ. 1978. Вып. 15. С. 46). Экземпляры монет, опубликованные Е.А. Пахомовым, весили 3,05 г и 3,10 г, т.е. укладывались в весовую норму куфических дирхемов, к этому времени еще обращавшихся в Закавказье (*Пахомов Е.А.* Монеты Грузии. Тбилиси, 1970. С. 52). Три известные к настоящему времени монеты происходят из кладов Северной Европы и России, куда они, вероятно, попали в потоке с равноценными им куфическими дирхемами. По-видимому, ту же репрезентативную роль играли и монеты армянского Багратида, правителя Ташир-Дзорагета (Лори) Кюрикэ II Куропалата (1048–1100). Известные в нескольких экземплярах эти медные монеты имеют погрудное изображение Иисуса Христа на лицевой стороне и надпись в пять строк на армянском языке “Господи, споспешествуй Корикэ Куропалату” на обороте (*Пахомов Е.А.* О монетах Корикэ Куропалата // Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис. 1925. Т. 3. С. 37–45). Их внешний облик напоминает анонимные византийские фоллисы конца X–XI в., находки которых в Закавказье носят массовый характер. Существует мнение, что один из монетных дворов империи, выпускавший фоллисы для нужд местного обращения в период 1045–1064 гг., находился в Ани (*Мушегян Х.А.* Денежное обращение в Армении. Ереван, 1983. С. 258). Е.А. Пахомов затруднялся в определении курсовой стоимости лорийских монет (их вес 5–6 г, вдвое меньше веса византийской меди): был ли это половинный номинал или фоллис при измененной монетной стопе? Для нас в этом примере важно подчеркнуть, что церемониальные монеты чеканились из недрагоценного металла, из такой же меди, как и “стандартные” монеты для обращения.

²⁵ *Безуглов С.И.* К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X–XI вв. // Тезисы VI Всероссийской нумизматической конференции. СПб., 1998. С. 44–45; *Бабаев К.В.* Монеты... С. 67.

²⁶ *Безуглов С.И.* К характеристике... С. 44–45.

монетного сплава продолжала снижаться, и к концу десятилетия в монетах обнаруживается низкопробный биллон, с заметной тенденцией перехода к меди (плакированные, с медной сердцевинной монеты боярина Ратибора²⁷). Начало 80-х годов XI в. можно рассматривать как нижнюю границу, ранее которой наметившаяся тенденция перехода таманских подражаний к меди не могла быть реализована, и, видимо, в дальнейшем таманские подражания выпускаются из меди (публикуемая медная монета с именем Михаил, предположительно отнесенная к Олегу-Михаилу (1083–1094), вполне вписывается в предложенные построения). Таким образом, рассмотренная в первом приближении хронология порчи серебряного сплава тмутараканских монет не позволяет относить серебряные монеты с именем Михаил ко времени правления Олега (Михаила) Святославича. Более предпочтительно рассматривать для них период правления Ростислава (Михаила?) Владимировича, когда монетный сплав тмутараканских монет еще оставался серебряным.

Внешний вид церемониальной монеты, ее оформление, надписи выступают как средство передачи некоторого политического подтекста, связанного с намерениями правителя, от имени которого производится чеканка. Сравнимая медную и серебряную монету с именем Михаил, можно заметить, что первая, проникнутая даже в деталях византийскими мотивами, с правильной греческой надписью демонстрирует лояльность эмитента по отношению к империи. Вторая монета, выполненная в драгоценном металле, с кириллическим текстом в легенде, как бы противопоставляется первой, подчеркивая национальный характер княжеского правления. Вопрос в том, убедительно ли относить эти две совершенно разные по духу монеты к выпускам одного правителя, князя Олега Святославича?

Медная монета сомнений не вызывает, учитывая характер взаимоотношений князя с Византийской империей. Выпуск серебряной, “непокорной” монеты от имени Олега Святославича мог бы иметь определенные последствия, идущие во вред главным его целям и устремлениям.

Поясним это положение. К последней четверти XI в. Византийская империя, потерявшая значительную часть своих земель, проводила внешнюю политику в духе вселенской доктрины, согласно которой отошедшие от империи территории “рассматривались, как временно утраченная часть подвластной василевсу ойкумены, а власть их правителей – как своего рода императорский лен, который мог быть передан любому из соседних владетелей, признавших сюзеренитет Константинополя”²⁸. Олег Святославич правильно оценивал внешнеполитическую ситуацию и всегда позиционировал себя, как “князь с греческими тенденциями”, выстраивая свою политику таким образом, чтобы сохранить стабильность и доверительные отношения с империей, что было крайне важно для осуществления его личных целей²⁹. Внешне проявляя готовность поддерживать византийское правительство, князь Олег накапливал силы и средства, которые дали бы ему возможность со временем вновь начать борьбу за отцовское наследие, Чернигов. В этом

²⁷ *Бабаев К.В.* Монеты... С. 33.

²⁸ *Степаненко В.П.* Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // ВВ. 1987. Т. 48. С. 54.

²⁹ *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси... С. 286.

деле он как всегда рассчитывал на военную поддержку половцев, которые были в союзе с Византией³⁰. Выпуск от имени Олега Святославича монеты, в которой улавливались бы оттенки автономности, мог осложнить отношения князя с империей со всеми неизбежными последствиями для его планов по возвращению черниговского престола³¹. В отличие от Олега Святославича отношения с Византийской империей у князя Ростислава Владимировича были крайне напряженные и выпуск его именных монет с выраженным политическим подтекстом, как-то повлиять на степень этой напряженности, очевидно, не мог.

Подводя итог обсуждению затронутой темы о тмутараканских серебряных монетах с именем Михаил, можно отметить, что ни качество монетного сплава рассмотренного выпуска, ни принятые во внимание политические факторы эмиссии не позволяют связывать эти монеты с именем Олега-Михаила, более предпочтительно относить их к Ростиславу (Михаилу?).

В завершении статьи, в которой планировалось сообщить о недавно обнаруженной медной монете с именем Михаил и попытаться определить ее место в разделе именных монет княжеской Тмутаракани, следует отметить, что вопрос о принадлежности этой и давно известной серебряной монеты с именем Михаил, едва ли можно считать исчерпанным. Тема требует дальнейшего всестороннего изучения с привлечением, в том числе наработок по древнерусской сфрагистике, отдельные выводы которых, возможно, будут нуждаться в критическом переосмыслении.

³⁰ *Лопарёв Х.М.* Византийская печать с именем русской княгини // ВВ. 1894. Т. 1. С. 164.

³¹ В Византии чеканка монет из серебра и золота являлась прерогативой императорской власти. Тмутараканское княжество, по византийским воззрениям, принадлежало к числу государственных образований, составляющих ойкуменическое сообщество, и, так или иначе, рассматривалось в Константинополе в качестве вассала империи. В этой связи выпуск князем именной серебряной монеты, в легенде и оформлении которой отсутствовал даже малейший намек на сюзеренитет Византии, мог быть расценен в империи как публичное провозглашение независимости.